

Любовь КОЛЕСНИК

* * *

Юра, мы все поехали, зря ты на нас махнул
не двоеперстно, рабоче-крестьянски, горстью.
Тебе хорошо, ты умер, а мы тут коптим страну
одну шестую — шестерки, шестерни, гвозди.

На нас забивают, чтоб нас забивать в гробы —
ты видел, горы лысеют, леса рedeют.
Юра, мы рассчитаны на если бы да кабы,
на работу за хлеб и радение за идею.

Ум, честь и совесть горят в голубом газу,
вот она, гибель, весомая, налитая —
ясно, как то, что врет на голубом глазу
девка из телика, стонущая: «Улетаю!»

Юра, ты правда видел — нет же там никого?
Юра, ты должен знать, тебя тоже, по сути, нету!
Но почему так погано, страшно так — отчего?
Юр, у тебя там блат. Попроси тормознуть планету.

* * *

Асфальт слезает с дорог лишаем,
идет на смену рабочий класс.
Мы вместе с улицами ветшаем
и пропадаем с табло глонасс —
так ФИО строителей коммунизма
химическим синим карандашом
из книг истаивает, как призрак.
Наш век не начался и прошел —
вдохнули, выдохнули, устали
да так усталые и живем.
Вели нас Ленин, Хрущев и Сталин —
какой же черт нас сюда завел?

Любовь Колесник родилась в 1977 году в Москве. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Арион», «Волга», «Смена», «Звезда», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Дон», «Дальний Восток», «День и ночь», «КВИР», «Дети Ра». Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Автор четырех книг стихов. Дипломант Волошинского конкурса 2017 года с книгой «Мир Труд Май».

Сюда, в колдобины, грязь и ямы,
старуху-разруху, кривой подъезд?
Молчат посреди пустыря бурьяны,
шумит сурово оковский лес.

* * *

Между улицей Спасской и черт ее знает какой
я в дорожном заторе стою, катафалк пропускаю.
Осыпается осень трухой, уходя на покой,
из приемника глупая музыка в уши втекает.
По асфальту не движутся точно такие, как я, —
приунывшие люди в коробках из крашеной стали
и один в деревянной, которого примет земля.
Седовласый трубач на груди поправляет медали.
В тонировке окна отражается чье-то лицо —
неужели мое? — переломанное светотенью.
Приунывшие люди сидят со своим мертвецом,
а мертвец никуда не спешит. Перекресток потеет,
и за влажными стеклами молча коробятся рты.
Улетает душа, превращаясь в незримую точку.
И машины пусты, если с птичьей смотреть высоты.
Глянешь снизу — и точно.

* * *

Вентиляционным сизым хоботом
жесть вползает выше по стене.
Церковь, перечеркнутая проводом,
падает, как кланяется мне.

Лепятся старинные и новые,
а внутри спуют, куют ключи.
Ездят воронье и соловьи,
статуя зеленая торчит.

В воздухе Москвы дерутся запахи:
пицца, плов, пальмира, чайхана.
Говорки Донецка и Елабуги,
Ближнего Востока имена.

Все блестит, играет, бьется, радует
и потом размоется в годах.
Только церковь падает и падает,
путаясь крестами в проводах.

* * *

Маленькие равшаны кладут бордюры,
плитку пересчитывают, как казну,
воду льют в оранжевую бадью.
Я хожу в чужом и себя казню:

не моя расплавленная Москва
пахнет вязким битумом и метро,
на дари разговаривает развал,
птичка Тари вязнет в зубах миров,

заключенных в золото и бетон.
И плывет прожаренный лук церковей.
Не по Сеньке шапка, не то пальто,
мне бы в пыль, где носится суховей,

где еще при Ельцине был асфальт
и ветшает-крошится по сей день,
где кивает лампочка в сорок ватт
и до смерти хочется поседеть.

* * *

Тленоград какой-то на реке
с именем незначимым и кратким —
памятники, башенки, оградки,
голод леса в каждом бирюке,
что посмотрит — как подарит рупь,
в синецветом кулаке зажатый.
Слесаря, селяне и солдаты
в меру веселы, сыты, поддаты,
месяц-бесят илистую глубь.
Равнодушно смотрят образа —
образумья, тут и так все ясно.
Молния потухнет да погаснет,
вот и не сбывается гроза.
Острый берег, долгая вода
прочь несет поденных бледных детищ.
Все пройдет, девчонка, ты уедешь
или не уедешь никогда.

* * *

Путался и запутался — в женщинах, проводах,
пайке контактов, синих завязях изолект.
Как на спецовке пуговица, крутишься, весь в трудах,
нитка перетирается, радости так и нет.

Нитка перетирается, кружится голубой,
цветом как изолекта, шар невпопад шагам.
Все на сегодня сделал — значит, иди домой.
Знать бы еще, где дом. Там — выбредаешь — там.

Жмешь в кулаке пуговицу, входишь в людской поток,
меж бессильных шкафов построек держишь провисший путь.
Пестрый клубок запутанный, гордиев узелок
как-нибудь сам собой распяется, как-нибудь.

* * *

по производственному, на последний слог
по-мужицки слова бьешь: зилы, мазута
сморкаешься в палец правдоподобно зло
кось и кривь черкизовских челентан
бутова содомический бешбармак
все это смазано за окнами мцк
корпус высотных конструкций рождает мрак
ты теперь в нем работаешь, привыкай
в лунках, оттаявших у голубых ногтей
мажется неожиданное вещество
в литинститут поступая, ты был смелей
не поступил и отправился на завод
и теперь, сутулясь, идешь в перерыв курить
и резцы получше стреляешь у токарей
в пятницу пить: в пятницу надо пить
чтобы слова забывались еще скорей
а в понедельник — точи, забивай, крась
выходя на обед, из ворот выпускай пар
в ванне гальваники плавает, золотясь
как эскалибур, затерянный вокабуляр

* * *

Погода стоит такая,
как будто Христос в этот раз не воскрес.

Лера Манович

поедем красotka к высоткам
помчимся где смоль и перье
здесь мальчик разносит по соткам
по семечкам сердце мое

он сеет на сирую клумбу
давай же вставай прорастай
и тужатся серые клубни
и тетка проносит минтай

и шахматы эти квадраты
постыли а все же стоят
мутны в катаракте кадавры
в земле начинается яд

и велосипедная спица
торчит из окружности вон
подруженька птица сестрица
мне плохо неси самогон

бутылочная аяваска
и студень студеных небес
такая холодная пасха
как будто христос не воскрес

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ВО ВНУТРЕННИЙ НОГИНСК

1.

Моюсь холодной водой, отправляюсь лежать нагим,
не глядя, как рядом размеренно дышит нагая.
Внутренняя эмиграция в закрытый город Ногинск.
Желтое с красным масло трамвайного попугая,
тук элеваторных бычьепокатых тел,
цементные жертвенники, сыпь золотых мать-и-мачех.
Кожух небесный пока еще не сопрел,
однако процесс коррозии явно начат.
В небе кровь проливается сквозь перьевой порез.
Будто в обломок зуба, язык утыкается в слово
и несводимые бедра железных рельс,
делаются живее всего живого.

2.

кожа реки с угрями рыбацких лунок
расчерчена следом лыж, как любовницевых когтей
из пещеристых тел, метро пещерных форсунок
вытекает обильная слизь людей
на грудях куполов золоты жестяные листья
заплати — запляшут. потеет теплом тепляк
post coitum omni anima triste
этот город по-настоящему любит тебя

* * *

Недолго спал, немного выпил,
умыт железистой водой.
И снова май, и пыльный вымпел
с тяжелой кистью золотой.

Опять приклеятся к спецовке
надкрылья бурых тополей.
В квадрате маленькой бытовки
покажется чуть-чуть светлей.

В ночь выходить теперь не скоро,
куда? — не различает глаз.
Квадраты ровного забора
прилежно делят вас от нас.

Гудок гудит, народ батрачит,
завод зовет, нудит фрезой.
Здесь человек на землю плачет
горюче-смазочной слезой.

* * *

На хмур-переулке у дурки
не тьма, но промозглая мгла.
Унылые серые урки
«Охоту» сосут из горла,

плюют матерками и семки,
на пальцах кидают понты.
Глядят оловянные зенки,
молчат деревянные рты.

Я мимо иду как родная,
иду, не боясь, не таясь.
Под ноги ложится земная
привычная бурая грязь.

Тверское больное предзимье,
когда ни сверчка, ни шестка —
шалманы, дворы, магазины,
довисельная тоска.

Проплешинами штукатурки
дома беззаконные бдят,
унылые серые урки
в меня неотрывно глядят.

На расстани рельсовых линий
пойдем в эту хмарь, в эту серь,
в исчезнувший город Калинин
исчезнувшим городом Тверь.

* * *

А. И.

выпил веда прилично
остов свой в никуда
ты человек привычки
я человек труда
оба мы человеки
господи нас спаси
значит колле/калеки
выдохни закуси
смерть нас поймет с поличным
в горлышке ль в горле тьма
выпил веда прилично
я не дойду сама